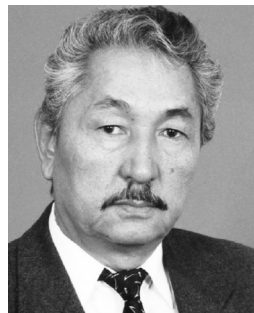

Кажигали Муханбеткалычи

ТЯЖКИЕ ВРЕМЕНА

Исторический роман

Глава третья

В начале февраля 1785 года казачьим войскам в Оренбурге и Уральске из далёкого Санкт-Петербурга поступил срочный приказ непосредственно от самого президента военной коллегии генерал-фельдмаршала Потёмкина.

Формально приказ исходил от князя Потёмкина, но, по сути, был выхлопотан экспедицией по пограничным делам в Оренбурге и Войсковой канцелярией казачьего войска в Яицком городке. В нём говорилось, что «в целях восполнения ущерба, понесённого казаками из-за туземцев» необходимо предпринять «репрессалии против киргиз-кайсаков, не дающих продыху от набегов». Стоило только поступить этому приказу, который на самом деле был не чем иным, как индульгенцией, начальники пограничных войск, связанные по рукам и ногам с прошлой осени, когда ушёл с должности наместник Уфимского и Симбирского наместничества Аким Иванович Апухтин, спешно начали подготовку к набегу.

Разумеется, спешили они неспроста. Недавно начальник экспедиции по пограничным делам и одновременно обер-комендант Оренбурга генерал-майор Яков Михайлович Зенбулатов получил письмо генерал-поручика Игельстрома, назначенного новым наместником, и знал, что этот человек уже скоро прибудет. Взгляды и характер свежеиспечённого наместника были здесь никому не известны, поэтому местное начальство хотело успеть до его приезда совершить хоть один набег на казахов, подстраховываясь этим самым приказом президента военной коллегии. И коли бы дельце выгорело, им было бы чем поживиться. Богатая добыча, казалось, сама шла в руки... Хорошо понимавшие это войсковые начальники вдоль линии, оренбургские и текинские казаки теперь только и ждали, как бы поскорее отправиться за Яик.

Говорят же: «Кто-то горюет о своём добре, а кто-то горюет о своей судьбе». За ходом всех интриг и приготовлений с пристрастием следили и начальники Оренбургской экспедиции по пограничным делам и гарнизона города, и намеревавшиеся поучаствовать в походе казаки и башкиры, мещеряки и черемисы. С трепетом наблюдали за происходящим и здешние немногочисленные казахи.

Продолжение. Начало в № 1, 2016.

Но особенно внимательно присматривались к событиям посредник Минанайского¹ белого рынка, богатый купец Шукирали-бай и муэдзин здешней мечети молодой мулла по имени Шапи. Оба уже давно служили глазами и ушами для обитавших близ Яика аулов Байулы, а также информировали обо всём Байбахты Сырыма.

Не ведая покоя, они выведывали и сообщали степнякам всё: и то, что сверху поступила разрешительная бумага на набег, и то, что обрадованные этим казаки, дабы во всеоружии выйти в поход, что ни день шлют гонцов в Теке, сообразуя свои усилия с действиями Войсковой канцелярии. Теперь главной задачей Шукирали-бая и Шапи было выяснить, когда войско будет выступать, и успеть вовремя сообщить об этом своим сородичам.

Уже пару дней назад они стали замечать, что даже самые беспечные и беззаботные казаки, обычно не проводившие и дня без пьянки, почему-то разом, как по команде, прекратили разгул. Это могло означать лишь одно – близится нечто необычайно важное. И оба предположили, что не позже двух-трёх дней войска должны отправиться за Яик.

Но события стали разворачиваться гораздо быстрее. Ранним утром, стоя на пороге своего дома, Шукирали-бай услышал, как со скрипом отворилась дверь его соседа, надворного советника² Оренбургской экспедиции по пограничным делам Петра Чучалова, а спустя минуту из калитки появился знакомый бау казачий сотник по имени Метрей Пивоваров в сопровождении какого-то незнакомца. Судя по тому, как размашисто шагал сотник, он только что завершил важное дельце. Болтающаяся на боку шашка, будто подтверждая доброе расположение духа хозяина, при каждом шаге звонко позвякивала у него на бедре.

«Чего они забыли тут ни свет ни заря?» – только и успел подумать Шукирали-бай, как Метрей, дюжий детина, который при встречах обычно делал вид, что не заметил купца, вдруг проявил неожиданную приветливость:

– Исэнбисиз, абзи?³ – громогласно поздоровался он с Шукирали-баем почему-то по-татарски. Возможно, растерялся от неожиданности, а может, ляпнул первое попавшее на язык, полагая, что «все инородцы суть одно – татары».

«Пьян, наверное?!» – подумал купец. Но нет, сегодня на лице сотника, которое становилось багровым, стоило ему пропустить чарочку-другую, не было заметно и следа его обычной «болезни, покупаемой за деньги», хотя кончики его густых рыжеватых усов и лихо торчали, а маслянистые зеленовато-серые глазки поблёскивали, как у мыши. Скорее он был несказанно доволен и весел.

Только потому, что, как истинный казах, Шукирали-бай полагал приветствие «матерью словес», он, не без труда сдержав гнев, ответил в тон:

– Ия, есенбисиз?⁴ Гляжу, сегодня веселы... Какие-то добрые вести?

– Да нет... Вызвал сегодня господин надворный советник и говорит, что отряд во главе с майором Смирновым выступает завтра за Яик. И он, не отставая, значит, от обер-коменданта Зенбулатова, добился, чтобы мою сотню тоже ввели в состав отряда. Вот я и радуюсь! Такое же нечасто случается, знаете

¹ Минанай – меновой двор под Оренбургом.

² По табели о рангах, определённых Петром I, гражданский чин VII класса. На уровне заведующих отделами губернских учреждений.

³ Исэнбисиз, абзи? (татар.) – Здоровы ли, дядюшка?

⁴ Ия, есенбисиз? (каз.) – Да, и вы здоровы ль?

ли... – разулыбался сотник, и хотя было видно, что из уст его так и рвалось: «С добычей вернёмся, с до-о-бром!» – он, однако, всё же проглотил конец своей фразы.

Едва только сотник со своим спутником скрылись из виду, бай, плотнее завернувшись в чёрный бархатный чапан, поспешно вошёл во двор.

– Эй, сынок! – кликнул он мальчика лет тринадцати, коловшего дрова в глубине двора. – Быстренько сбегай, позови к нам Шапи-ага! Бегом! Скажи, что отец велел скорее прийти. Понял?!

Подросток тут же бросил топор на землю и, ответив: «Хорошо, коке!» – помчался стремглав. А Шукирали, хоть и зашёл в дом, но места себе так и не находил...

Из мечети, расположенной почти рядом с рынком Минаная, мулла Шапи шёл долго, можно было успеть подоить и норовистую кобылицу... Хотя стояло солнечное утро, время всё же было зимнее: трескучий мороз выбелил бороду и обжёг лицо молодого муллы. Когда Шапи, сняв бухарские кеуши, в длинном чапане, с белоснежной чалмой на голове вошёл в горницу и приветствовал Шукирали: «Ассалаумагалекум!», всем своим видом выражая почтение, купец нетерпеливо выхаживал взад и вперёд по комнате.

– Апырай, пришёл наконец-то?! Что ж так долго-то... – пробурчал он укоризненно.

Но Шапи сначала провёл обеими ладонями по лицу и лишь потом, с присущим духовным лицам спокойствием, ответил неспешно:

– Спешил, ага! – и, продолжая поглаживать ладонью повлажневшую от подтаявшего инея чёрную как смоль округлую бороду, спросил: – Всё ли спокойно, Шоке?! Напугали вы меня...

– Откуда же быть спокойствию?! Знаешь такого верзилу-сотника, как его... Метрей Пивоваров... Так вот, он только что сказал, что его отряд завтра выступает в поход!

– О!

– ...Да! Выходил сейчас из дома этого Шошанова... – сказал Шукирали, указывая подбородком в сторону огромного дома своего соседа.

Шапи знал, что Шукирали нарочно, желая позлить, называет надворного советника Чучалова на казахский манер Шошановым. Этот видный чиновник Оренбургской экспедиции по пограничным делам («Хыдудия махкама», как её называют все местные казахи, татары и башкиры) ненавидел всех инородцев, особенно казахов, хотя несказанно обогатился, разбирая споры именно кочующих по обе стороны линии «туземных» народов.

– Как же нам быть? Что думаешь-то?

– Что ж тут думать-то... Главное, что все сокровники наши, и дальние, и ближние, уже предупреждены. Я почти всех навестил, а тех, до кого не добрался, должны предупредить их родственники... Кстати, надо бы сообщить и здешним людям батыра Гленши. Пусть и они не останутся в неведении, – ответил Шапи.

– Ты об этом старике из племени Табын по имени Жаубасар говоришь? Верно... Знаешь, надо бы дать знать и этому... ходже Нурмуханбету, который служит в Дуддут махкама⁵.

⁵ Оренбургская пограничная комиссия – учреждение, проводившее следствия по делам не только казахов, но и всех «туземцев».

– Кому-кому?! Господи, Шоке, он же... – Шапи запнулся на мгновение, словно прося прощения за то, что перебил старшего, – он же зять хана Уралы!

Шукирالي задумался, но после минутного молчания проговорил:

– Ханский зять так ханский зять... Мало ли кто на ком женат... Нурмуханбет, что ни говори, всё же сын пира ходжи Абужалела, которому поклоняется весь Младший жуз.

– Как знать... Мы не ведаем, как всё сложится, а предводители племён не очень-то ладят с этим ханом. Лишь бы завтра не пришлось нам туго.

– Нет, мы не станем никого чураться. Разве наших здесь так много?! Старик Жаубасар служит не только Тленши-батыру, но и держал в Уфе всю торговлю его знаменитого отца, Бокенбай-батыра, был там его глазами и ушами. Так что человек он проверенный. И Нурмуханбет хоть и ханский зять, да всё же плоть от плоти святого пира! Отец его, ходжа Абужалел, несмотря на то что состарился и не может участвовать в больших делах, всё же всегда был единомышленником главных людей народа нашего, в том числе таких известных мужей, как Байбахты Сырым-би, который держит бразды правления всех пяти племён Султансииков... – размышлял Шукирالي. – Хм, но если кто и знает, что замышляется в верхах Оренбурга, то это, наверняка, молодой ходжа Нурмуханбет... Как же нам поступить? Рискнём или погодим?

Шапи глубоко задумался, его мучили сомнения. Но напоминание Шукирали об отце Нурмуханбета, весьма почитаемом человеке, да ещё с большими связями, перевесило доводы против. Молодой мулла высказал свои сомнения не потому, что так уж возражал против контактов с ханским зятем, а лишь из осторожности, боясь, как бы им не попасть впросак.

– Ладно, Шоке, положим, вы правы! Всё-таки сын человека, при жизни названного святым, сын благочестивого пира, не станет, наверное, из-за того, что является ханским зятем, предавать интересы своих собратьев по вере! Имеют же всё-таки какое-то значение такие вещи, как воспитание отца и духи предков... Подаст руку помощи – значит, подаст, а коли нет – то, иншаллах, не станет же замышлять недоброе?! Давайте, рискнем...

– В таком случае во что бы то ни стало сделай так, чтобы я встретился сегодня с этими людьми... А как разговаривать с башкирами и прочими, собирающимися в поход вместе с казаками, и вообще со всеми мусульманами, которые заглянут в мечеть, ты, думаю, знаешь и сам! – завершил совет Шукирали.

Они договорились не позже чем сегодня переговорить с упомянутыми людьми и снова свидеться к полудню на пятничном намазе в мечети и быстро разошлись.

Шапи тут же поспешил к себе в мечеть.

Мечеть на Минанае в эти дни стала не только местом, куда люди приходили вознести молитвы Всевышнему, но и пристанищем, где все единоверцы, проживающие в городе, могли собраться, чтобы повидать друг друга и узнать последние новости. Здесь говорили и по делам, и по душам. Словом, целый день мечеть бывала полна. К тому же сегодня должна была состояться пятничная молитва. А те двое, о которых шёл недавно разговор, никогда не пропускали пятничного намаза. Переехавший в прошлом году из Уфы старик Жаубасар долгие годы слушал проповеди тамошних больших улемов-богословов и всем сердцем предался благочестию. А Нурмуханбет, сын пира Абужалела-ходжи,

которому поклоняется весь Младший жуз, хоть и находился на русской службе в здешней Дуддут махкама, но, несмотря на молодость, казался человеком, твёрдо придерживавшимся веры.

Поэтому Шапи, зная, что увидит их обоих на пятничном намазе, шёл и обдумывал, каким образом сподручнее организовать их встречу с Шукирали. Так, в раздумьях, муэдзин и не заметил, как дошёл до мечети. Вот она... знаменитая белая мечеть Минаная! Она возвышалась поодаль, похожая на одинокого лебедя невзначай залетевшего сюда из какой-то неведомой дали. На её голубом куполе, соперничающем с небесной синью, сверкал позолочённый полумесяц, устремлённый ввысь, а белый, как свежеччищенное яйцо, минарет, казалось, тянул свою лебединую шею к проплывающим в вышине белоснежным облакам...

Когда Шапи, торопливо ступая, вошёл во двор мечети, там уже собралось изрядно народу. Некоторые стояли группами по пять-шесть человек и вели меж собой неспешные беседы. Судя по тому, что верующие не входили в мечеть, а оставались снаружи, они, похоже, почтительно дожидались прихода главного имама... Шапи, поскольку был одним из двух муэдзинов мечети, в основном лишь провозглашал азан перед утренним намазом, а в остальное время, если не было специальных поручений, ограничивался тем, что по просьбам посещающих мечеть мусульман читал молитвы по их усопшим родным и близким. И теперь, поскольку не было никого, кто искал бы его, Шапи неприметно проскользнул между собравшимися во дворе прихожанами и вошёл в мечеть. В одной из больших комнат, устланных несколькими коврами, он уселся за низенький, круглый столик, за которым обычно сидел, взял в руки Коран и углубился в его страницы, подобно человеку, вчитывающемуся в суры Священной книги.

Народ уже беспрерывным потоком валил в мечеть...

Шапи незаметно, исподлобья, следил за входящим людом. Сегодня в мечеть пришло особенно много башкир. И это были не пожилые люди, как обычно, а мощные, как сосны в бору, мужчины, которых так и распирали их силушка, и молодые джигиты с весело поблёскивающими глазами. «Э-э, похоже, они и собираются завтра вместе с русскими за Яик...» – предположил про себя Шапи.

Вскоре от людей, сновавших взад и вперёд, мечеть начала переполняться, как муравейник. Некоторые, едва войдя внутрь, ещё до начала пятничного намаза, читали молитвы, поворотив лицо в сторону Каабы и преклонив колени. Другие толпились у ящиков для пожертвований, стоящих по углам, по очереди опуская туда свою лепту... Но один джигит, башкир, почему-то всё время топчется неподалеку от Шапи. Он уже трижды почти заговаривал с ним, но каждый раз в последний момент не решался и отходил прочь. «Апырай, чего же он хочет?» – подумал Шапи и уже почти собрался заговорить с ним, но в это время юноша сам, пользуясь тем, что мулла сидел совсем один, робко подступил к нему.

– Уважаемый мулла! – шепнул он тихо и нерешительно. – Молдеке, мой покойный отец был человеком набожным и благочестивым, державшимся Божьего пути. Он скончался прошлой осенью... Если я отправлялся в путь, то не было случая, чтобы он не напутствовал меня благословением. Не прочитаете ли вы молитву, посвящённую его душе?

– Назовите имя вашего отца, кому посвятить молитву? – спросил Шапи, больше не стараясь отыскать никакого особого смысла в этом разговоре, – молиться за усопших было его обычной обязанностью.

– Памяти Али, сына Абзана!

Как и просил его благочестивый юноша, Шапи прочитал молитву, вкладывая в неё душу и посвящая её «памяти покойного Али сына Абзана», потом с упоенным сердцем провёл ладонями по лицу. И лишь тогда заметил, что смурые и несколько печальные до сих пор глаза юноши посветлели и наполнились радостным удовлетворением. Однако, несмотря на то, что просьба его была выполнена, он всё ещё медлил, не отходя от Шапи.

– Кажется, брат мой... ты хочешь что-то сказать мне, да всё никак не решишься! – тепло улыбнулся Шапи. – Если что-то гнетёт твою душу, то здесь, в мечети, в земной обители Аллаха-тагалаха, её можно облегчить... Выскажи всё, что у тебя на сердце, свет мой...

– Япырай, молдеке, меня, действительно, одолевали сомнения... и я не мог решиться! Наверное, будет большим грехом, если я уйду отсюда, из дома Аллаха, так и не высказав того, что мучает меня? – молвил юноша, всё ещё не решаясь раскрыться.

– Говори, брат мой! Не смущайся! – подбодрил его Шапи.

– Я метался, не решаясь подступиться к вам...

– Но почему ж?

– Почему... Я... один из тех, кто вместе с казаками собирается в набег на казахов... Когда пришёл сюда, чтобы перед походом сотворить молитву памяти покойного отца, чтобы нам улыбнулась удача, увидел вас, одного из тех самых казахов, на которых мы собираемся пойти... Я испугался, решив, что вы можете проклясть меня, и будете правы... Но вы, да благословит вас Аллах, не выказали даже тени неодобрения! И не только выполнили мою просьбу, но и назвали братом! И тем самым растопили моё сердце. Я не найду слов, чтобы поблагодарить вас... – молвил юноша, безоглядно распахнув своё сердце.

– Дай тебе Бог, дай тебе Бог! И я очень признателен тебе за то, что здесь, в доме Аллаха, ты говоришь искренне, брат мой, – ответил Шапи и затем, задумчиво поглаживая свою чёрную как смоль бороду, ласково спросил: – Кстати, как же твоё имя, свет мой?

– Батырша!

– Хорошее имя... Выходит, твой покойный отец возлагал на тебя большие надежды, раз дал тебе имя знаменитого батыра, которого боготворят все башкиры. Наверное, лелеял в душе мечту, что и ты станешь Батыршой новой эпохи – новым Алиулы Батыршой.

– Ойпырмай, агай, вы ясновидец?! Точно так всегда говаривал покойный отец мой. Как же вы прознали об этом? – растерянно молвил юноша.

– Ах, брат мой, здесь не нужно ясновидение. Разве Батырша Алиулы, поднявшийся против насилия гяуров, не один из тех героев, о которых слагают легенды не только ваши башкиры, но и их собратья казахи? Это имя дают своим сыновьям не только башкиры, но и многие казахи, желая, чтоб и завтрашняя поросль была такой же бесстрашной и отважной, – с улыбкой отвечал Шапи.

Брови юноши вдруг нахмурились.

– Простите, агай, а как вас самих величают?

Шапи назвал своё имя.

– Шапи-ага, – продолжил Батырша, вперив взгляд в муллу, – Шапи-ага, вы сами сказали, что человек, особенно духовное лицо, находящееся на пречистом

Господнем пути, обязан в мечети, доме Аллаха, говорить только искренне. Так почему же вы неискренни?! Коли Батырша Алиулы один из тех людей, о которых слагают легенды не только у нас, башкир, но и у вас, казахов, почему же казахи не только не приютили его, когда он и его повстанцы бежали к ним в поисках защиты, подобно воробьям, спасающимся от ястребов, но ещё и подвергли их нещадной травле и избиению?! Не потому ли башкиры навсегда прервали с вами всякие отношения?! Казахи перестали быть нам родственным народом. Неужели сокровники, которые исподтишка вонзают в бок шило, лучше русских, которые творят своё насилие в открытую?! Не потому ли башкиры и не в силах забыть нанесённых обид и завещали своим детям отомстить? Почему, вы думаете, по сию пору, если нужно напасть на казахов, казаки берут с собой в первую очередь башкир?! И то, что основу выступающего завтра отряда составят башкиры, является лишь отголоском той закоренелой ненависти! – разгорячённо выпалил Батырша и замолк.

– О-о, го-осподи, свет мой! – выдохнул Шапи, не зная, затрагивать или нет эту сложную тему. Если да, так надо начинать издалека, а нет – так у молодых башкирских парней, вроде Батырши, навсегда останется неверное представление о произошедшей некогда распри между двумя родственными народами.

Муэдзин глубоко задумался.

– Ну, коли я ошибаюсь, так объясните! Что же вы молчите?! – ещё более горчился Батырша, принимая молчание Шапи за признание вины казахов.

– Уай, братишка, потерпи же ты малость! – прервал его своим сдержанным и спокойным тоном Шапи, который никогда не говорил слишком громко. – Раз спросил, так дождись ответа, свет мой! Предки наши говаривали: «Человек с человеком должен жить, как братья родные! А коли родной брат, то и не тереби обид!» Сумели мы, последующие поколения, внять этим словам или нет, ведомо одному лишь Аллаху. Однако после тех самых событий меж двумя народами, жившими до этого в дружбе и согласии, действительно, был вбит клин бесконечного раздора... – сказал муэдзин и, чуть помолчав, продолжил: – «Меж сокровниками бывают разлады, но не бывает вечного отчуждения» – говорят в народе. Только даст ли дьявол, разжигающий меж нами огонь вражды, снова воротиться к прежнему единству?! – сказал тихо Шапи и снова замолчал. Затем погладил ладонями свою округлую, чёрную бороду и продолжил: – Вот ты говоришь, что, когда, не выдержав натиска урусов, посылающих град пуль, Батырша бежал к казахам, они его «не только не приютили, но ещё и подвергли нещадной травле и избиению». Но ни вы, ни мы не видели своими глазами этого события, которое произошло тридцать лет тому назад. Конечно, вы говорите со слов тех, кто был там... Да я и не собираюсь отрицать что-либо. Так уж водится, что в народе наряду с порядочными людьми бывают и неслухи, и ухари, и преступники. Наверное, и тогда были негодяи, учинившие насилие и издевательства... Однако ведомо ли тебе, что те события совсем не исчерпываются одной стычкой? Там было и геройство, и братская помощь, о которых стоило бы вспоминать почаще! Во-от, молчишь! Понимаешь ли ты, что, если, не зная сути, взваливать вину на всех казахов сразу, можно оскорбить память многих твоих собратьев из племени Табын и из племени Тама, которые не выдали пришедших к ним башкир ни царским войскам, ни дружине хана Нуралы. «Сокровники пришли к нам, претерпев бедствия от мохнаторотых гяуров. Обидишь гостей – обидишь и нас!» – сказали

они и взялись за оружие. Дело дошло и до кровопролития! А знаешь ли ты, кто был главным подстрекателем этого раздора?! Попытался ли ты это узнать?! Как же ты обвиняешь кого-то, не зная досконально того, что произошло, и оскорбляя тем самым память усопших! Казахи осознают, что не смогли тогда полноценно защитить искавших у них приюта башкиров. Наоборот, старики наши ставят в пример молодым славных мужей, посвятивших жизнь своему народу, и дают детям имена таких героев, как Батырша. И с горечью признают, что не смогли оказать помощь естекам⁶, радушному, отзывчивому народу, когда те пришли к ним в трудную минуту... Эх-эх, сын башкирского народа, коли ты и по сию пору таишь злобу за то, что тридцать лет назад мы, такие же обездоленные, как и вы, не сумели помочь, то как же мне успокоить твоё сердце?! Что сказать?! Так и будут, пока Аллах не вразумит, братья-башкиры и братья-казахи нападать друг на друга... – сказал Шапи и замолчал удрученно.

Толпящийся в мечети народ как будто на миг затаил дыхание, а эти двое, сидящие в сторонке, словно стали частью иного, обособленного мира... Воцарилась глубокая, вязкая тишина. И тогда, то ли не выдержав тяжести этого гнетущего безмолвия, то ли потому, что слова муллы, подобно стремительной стреле, вонзились в его сердце, молодой башкирский парень горько вздохнул и поднялся с места.

– Ты спросил, а я ответил... Наверное, не обидишься за то, что сказал тебе правду! – промолвил Шапи с видом человека, сказавшего всё, что хотел. – Дай Бог тебе удачи, где бы ты ни был, свет мой!

Собравшийся уходить парень вспыхнул лицом и поглядел на Шапи поражённо.

– Ойпырмай, ага-ай! – сказал он, оседая на ковер. – Вы же убили меня не один раз, а несколько раз! Я просил вас прочитать молитву по моему отцу, и вы, несмотря ни на что, прочитали... А потом, когда я, не таясь, рассказал, что собираюсь напасть на казахов, что вы ответили?! «Дай Бог тебе удачи, где бы ты ни был!» Как же вы, казах, пожелали мне добра? Как смогли так пересилить себя?! Что это – широта сердца или скудость восприятия?! Этого я не могу понять никак, – признался он, чуть подавшись вперёд.

– Ох, молодежь, не думаете вы, что резкостью своей можете обидеть ненароком человека... Да уж ладно! – покачал головой Шапи, по-прежнему не изменяя своему смиренному виду. – Вижу, что ты совсем ещё юн, наберешься ещё опыта. Неужто, думаешь, душа моя вознесётся в райские кущи, если пожелаю худого такому молодому, только входящему в жизнь джигиту? Нет, свет мой, я так не могу! Да ведь и сам ты осознаешь, что дело, на которое собрался, – это путь греха, не угодный ни Аллаху, ни аруахам⁷. Потому и пришёл в мечеть прочитать молитву, прося прощения у Бога и у аруаха отца. Да, всё вижу. Знаю, отец твой не одобрил бы никогда такого поступка.

Но хотя дурное дело, на которое собрался, стоит поперёк и твоего сердца, вряд ли ты изменишь своё намерение. Возможно, даже и наоборот, станешь ещё яростней. Поэтому поучать тебя и наивно, и глупо. Уж коли Аллах не одарил человека рассудком, вряд ли на него возьмёт влияние то, что говорит простой смертный... Поэтому и пожелал я тебе: «Береги тебя Бог, где бы ты ни находился»...

⁶ Естеки – так порой казахи называют башкир.

⁷ Аруахи – духи предков.

Слышал ли ты, что сделал пророк наш Мухаммед, да будет имя его благословенно, когда осадил крепость Тайф, в которой Сақыфы, объединившись с Хауазинами, оказывал ожесточённое сопротивление?! Коли не слышал, то поведаю... Спутники стали уговаривать Его: «Ты же пророк. Прочитай на Сақыфов заклание!». Он же, наоборот, прочитал молитву: «О, Аллах, укажи Сақыфам истинный путь». Сам Пророк вознёс Аллаху мольбу за выступивших против Него недругов. Так как же может быть «святостью или благоглупостью» то, что я пожелал юноше чьё сердце ещё не покинуло благочестие, божественной защиты и удачи? Если будешь жив-здоров и не утратишь веры, то Аллах когда-либо да направит тебя на истинный путь. Пусть только Всевышний не даст тебе заплутать! «Кого Бог введёт в заблуждение, тот не найдёт себе покровителя, кроме Аллаха», говорится в суре «Сыны Израилевы» священного Корана. Всё в воле Аллаха-тагалаха, свет мой!

– Япырай, ага, моё сердце не лежало к этому проклятому походу, это правда! А теперь вы и вовсе безо всякого аркана связали меня по рукам и ногам. Пожалуй, откажусь я от этого дела. И отец покойный снился мне, отговаривал. Остановился я, ага! Вы меня остановили! – распахнул настежь Батырша своё сердце.

Но Шапи всё же проговорил:

– Нет, свет мой! Коли уж и остановишься ты, то не из-за моих слов, а лишь потому, что пробудил Аллах благочестие в твоём сердце! Только ради этого отрекись от своего первоначального намерения! И благодарность за то, что не дал сбиться с истинного пути, вырази только Ему – Аллаху!

– О, Аллах, прости раба твоего грешного! – прошептал юноша, чувствуя наконец, как покой воцарился в душе его.

В это время народ, собравшийся на пятничный намаз, заполнил мечеть, и каждый успел расположиться там, где ему досталось место. И Шапи тоже сел на свободное место с краю, молитвенно сложив руки и преклонив колени.

Главным имамом был улем-богослов по имени Мухамбетжан – сын купца татарина Хусаинова из Султаная⁸, некоторое время назад прибывший сюда, долгие годы проучившись в Бухаре и Кабуле. На эту должность его назначили лишь недавно. Был он молодым человеком, не достигшим ещё и тридцати лет, стройным, миловидным, с чёрными глазами и бровями, одетым всегда с иголочки. Вот и сейчас, в белоснежной чалме, одевающий всех ласковой и доброжелательной улыбкой, он стал разъяснять пришедшим в мечеть мусульманам суть намаза:

– Достопочтенные единоверцы! Слушайте внимательно, братья! Сейчас мы сначала читаем четыре раката сунната, а потом перейдём к двум ракатам долга. Затем, снова прочитав четыре раката сунната, завершим намаз молитвой-дуга. Вы меня поняли? Если есть среди вас такие, кто прежде никогда не преклонял колен для намаза, повторяйте за мной, вашим имамом, со словами: «Я обратился сердцем к Аллаху; Поворотился ликом к Каабе; принял всем сердцем речи этого имама!» Самое главное – это ваши чистые помыслы! Аллаху в первую очередь нужны ваши чистые помыслы. Остальное и дополнит, и простит сам Всевышний владыка наш... – молвил главный имам и начал намаз.

После намаза главный имам произнёс долгую проповедь. Он говорил о внутреннем мире человека, его помыслах и желаниях, о том, что мусульманин должен быть покорен Аллаху и добр к мусульманам. Люди засыпали имама градом вопросов.

⁸ Султанай – аул на территории нынешнего Башкортостана.

В намазе принимали участие в основном татары и башкиры. Казалось, сегодня башкир, собравшихся назавтра в набег на казахов, было даже больше, нежели татар. И чтобы они задумались, следуя поговорке «Тебе говорю, дочь, а ты прислушайся, сноха», Шапи то и дело задавал вопросы главному имаму. Он спрашивал, может ли мусульманин сделать мусульманина рабом, какое наказание существует для человека, пролившего кровь единоверца, как относится шариат к мести, и прочее.

Народ слушал, затаив дыхание. Судя по внимательной тишине в мечети, можно было надеяться, что многие из башкир, полагавшие про себя отправиться завтра в поход и вернуться с богатой добычей, засомневались в своих намерениях.

С этого пятничного намаза Шапи воротился домой в приподнятом настроении, воодушевлённый, с отрадой в душе. И было отчего ему так чувствовать: он удержал молодого джигита от худого пути и заставил многих мусульман усомниться в праведности задуманного ими. Но даже если они всё равно отправятся завтра с казаками в набег, то будут ли с прежним остервенением и мстительной злобой налетать на мирные аулы?! А это ли не означает спасения от жестокого насилия хотя бы для нескольких людей?! Это уже доброе дело! «О, Аллах, дай мне неизбывные силы и неиссякаемое терпение, дабы бороться за справедливость!» – прошептал Шапи про себя.

А что касается старца Жаубасара из племени Табын и молодого ходжи Нурмуханбета, то они легко нашли язык с Шукирали. Шапи разве только посодействовал их встрече, но необходимости и ему принимать участие в разговоре не возникло. К тому же завтра была его очередь провозглашать утренний азан с минарета, и, ссылаясь на это, Шапи пораньше воротился домой.

* * *

Назавтра, поднявшись ещё до первых петухов, Шапи в предрассветной темноте успел добраться до мечети, разжёл сначала лампы в огромных комнатах, а затем, взяв одну из толстых свеч, открыл резную дубовую дверь в нише, ведущей на минарет.

Этот минарет, столь отточено красивый снаружи, и изнутри поражал чарующей взгляд винтовой лестницей. Если взглянуть вверх, то её ступеньки, спиралью уходящие в сияющее где-то высоко-высоко небо, заставляли закружиться голову. И тогда этот гулкий, пустотелый высоченный минарет казался Шапи необычайной гортанью какого-то гигантского мусульманина, собравшегося вознести жалобу находящемуся за семью небесами Аллаху. То же самое он испытал и теперь... С трудом взбираясь по крутым ступеням, он чувствовал, как будто карабкается вверх вдоль хрящевых колец этой волшебной, неимоверно длинной гортани.

Долго ли, коротко ли, но, наконец, он выбрался на вершину минарета!

На площадке пустого айбана меж четырёх опор, соединённых решетчатыми прутьями, неприкаянно метался студёный ветер. Сначала он даже помог Шапи, быстрыми шагами поднимавшемуся наверх, отдышаться и выровнять дыхание, но тут же обжёг его тело ледяной стужей, вызывая невольные дрожь и озноб. Поэтому мулла не стал долго задерживаться внутри голого айбана, открытого со всех четырёх сторон, и принялся, повернувшись лицом в сторону Каабы, провозглашать азан. Но вдруг снизу донесся грозный рокот, подобный мощному гулу внезапно понёсшегося с горных вершин селевого потока.

Шапи, затаив дыхание, прислушался. Ему показалось, что могучий топот, от которого содрогалась сама земля, нарастает с каждым мигом. «Что же это, Господи?!» – подумал Шапи, упираясь грудью о железные прутья ограждения айбана и до рези в глазах вглядываясь вниз. И, вглядевшись, различил, что из глубины едва только начавшей редеть тьмы катится безудержный поток и, извиваясь, подобно громадной змее, по рябовато-белому снежному насту движется прямо к мечети. И змея эта была так велика, что когда её тело уже добралось до рынка Минаная, хвост её, извиваясь, всё ещё выбирался из темнеющих вдалеке городских ворот... Тут внезапно снизу затрубили трубы, кинжалом распарывая тишину предрассветной тьмы.

«Войска!.. Это же войска, идущие в поход! О, Аллах, как же их много!» – прошептал Шапи, холодея от ужаса. Из уст его вырвалось «Аллах! Аллах!». И в самом деле, сейчас в его сердце, трепыхавшемся испуганным воробьем, попавшим в силки, не было ничего и никого, кроме Аллаха. Он взмолился Ему, уповая лишь на Него одного.

– Аллаху акбар! Ал-ла-а-аху акбар! – внезапно, наполняя эхом окрестность, отчаянно начал Шапи провозглашать азан. В груди его неистово металась буря, а на глаза навёртывались горячие слёзы. – Аллаху акбар! Ал-ла-а-аху акбар! Ашхаду эн ля илаха иль Аллах! Ашхаду эн ля илаха иль Аллах!

Голос его, зазвеневший из запредельной высоты, заставил вздрогнуть укрытую снегами степную ширь, прокатился эхом в горных перевалах и лощинах и понёсся далее по оврагам и ложбинам, меж берегов извилистых рек, через рощи и перелески, расходясь по всему свету...

Ойпырай, бывает ли столь горестный голос?! Дойдёт ли до слуха Создателя отчаянная мольба горестного его раба?! Спасёт ли провидение от ярости этого грозного войска, чья поступь заставляет содрогнуться земную твердь, сокровников наших, обитающих далеко в степи?! Кто знает... Шапи молил Владыку, чтобы простые смертные, ушей которых достигнут звуки этого азана, не сделали бы зла таким же рабам божьим, как они сами, и тем самым спасли бы от злодейства свои души, изначально сотворённые Аллахом-тагалахом как средоточия благочестия и добра...

* * *

«Могущество Бога в том, что Он делает рабам своим только добро и требует от них только благого» – говорят служители Божьи. Аллах, воистину, не оставит безответной искреннюю мольбу раба своего, который молит лишь о благом...

Ужаснувшийся при виде многочисленного войска и испытывавший истинную горечь Шапи в тот день обратил истовые мольбы к Создателю. Как знать, может, были восприняты мольбы не тысяч людей, а только одного... Одного лишь Шапи. Словом, этот отряд, настоящая грозная рать под командованием майора Смирнова, состоящий из почти двухсот пятидесяти вооружённых до зубов казаков и около двух с половиной тысяч башкир, тащивший за собой две тяжёлые пушки, вышел из Оренбурга 17 февраля 1785 года и, изрядно отдалившись от города, был настигнут в безлюдной степи неимоверно разгулявшейся метелью. Он проплутал немало дней, потерял изрядно людей и лошадей и, наконец, спустя почти полмесяца, истерзанный, насилиу воротился назад в город. Однако, когда бы люди умели быть благодарными Создателю за то, что избавились от бед и напастей,

они, пожалуй, давно бы уже построили царствие небесное на земле. Но нет... командиры отряда, побоявшись войти в город «с пустыми руками», налетели на несколько невинных аулов, располагавшихся поблизости, захватили плачущих от страха женщин и детишек и в пору вечерних сумерек торопливо загнали их в городские ворота, точь-в-точь, как загоняют во двор скотину...

* * *

По заключённому предварительно соглашению текинские казаки тоже должны были отправиться в набег на казахов 17 февраля, в один день с оренбургскими. Точно в назначенный день начальник Войсковой канцелярии в Яицком городке бригадир Акутин отправил в поход отряд под командованием войсковых агаманов⁹ Колпакова и Пономарёва.

Итак... Колпаков с Пономаревым, немало поскитавшись по укреплениям между Теке и Уйшиком¹⁰, наконец в начале марта насилу добрались до Сарайчика.

Отправившиеся из Теке грозные вояки, казалось, могли сокрушить любого неприятеля, однако когда 15 марта они вышли из Сарайчика в степь и отошли от города на порядочное расстояние, то выкинули всё тот же проверенный старый финт. Изначально нацеливавшиеся на Эмбу и «притаившихся там киргиз-кайсацких разбойников», казаки вдруг почему-то повернули коней в сторону аулов, расположенных на побережье Кур Уила, мужская часть которых, по сведениям, дня три назад доставленным разведчиками, ушла на ту же Эмбу.

Таким образом, и этот отряд среди божьего дня совершил сокрушительный набег на безмятежно обитавшие в урочищах Караколь и Карабау напротив Яицкой линии два аула племен Берш и Адай.

Не ограничившись тем, что пролили немало невинной крови, да ещё и выдавая свой набег за геройство, Войсковая канцелярия Уральского войска написала и отправила рапорт президенту военной коллегии России Потёмкину: «По повелению вашей светлости, для того, чтобы разбить разбойников киргиз-кайсаков под началом Сырыма, прогнав их от места их сбора до устья Эмбы-реки, 17 февраля был командирован отряд, составленный из 1250 казаков. Судя по рапортам командиров этого отряда Колпакова и Пономарёва, 15 марта они отправились в киргиз-кайсацкую степь из крепости Сорочиковской. Однако по пути им встретился родственник хана Нуралы, сын Мурзатая по имени Мамбет, и сообщил, что на реке Эмбе собираются злодейские киргиз-кайсаки из родов Байбакты, Кете, Шекти, Табын, Шеркеш, Таз, Берш и Адай. Цель этих людей, последовавших за известными ворами, а именно за Сырымом – 2700 человек, за Баракком – 2000 человек, за Тленши – 1500 человек, не допустить отряжённые на них войска до аулов, дать сражение в безлюдной степи и отразить их. Аулы же тех злодеев давно уже перекочевали за Эмбу. И добраться туда, где они собрались, можно самое меньшее за восемь-девять дней пути и то, продвигаясь по пустынной, безводной и безлюдной степи. К тому же там нет подножного полевого корма для лошадей. А ещё этот Мамбет сказал, что из сообщников тех воров, кои здешние Прорвинские и Лебяженские хутора разграбили, Бершева и Адаевского рода

⁹ Агаманы – войсковые старшины казаков. Скорее всего, казахское слово, перешедшее к русским с ногайлинских времен. У Доспанбета-жырау: «В Азове нашем много было воинов, ставших агаманами...»

¹⁰ Прежнее название Гурьева (ныне Атырау).

киргизы кочевье имеют близ реки Каракули на речке Кур Уиле, и даже многие из них и ныне вместе с Сырымом совершают набеги на наши линии.

Обдумав эти обстоятельства, Колпаков и Пономарёв отложили поход к Эмбереке и отправились на кочевья Бершев и Адаев и через трое суток достигли их, ведомые Мамбетом, сыном Мурзатая. Несмотря на то, что оказавшие сопротивление воры подбили 3 казачьих лошади и ранили нескольких человек, отряд же, убив их изрядно, захватил 102 человека, 2955 лошадей, 83 верблюда... Отряд со всей добычей добрался теперь до уральских линий и следует к городу Уральску...»

* * *

Хоть и говорят: «Радуйся задержке путника», однако местный люд всё же начал тревожиться – отряд Колпакова и Пономарёва, отправившийся из Яицкого городка ещё 17 февраля, сгинул совершенно бесследно. Но вот, наконец, развеяв страхи, грянула весть, что казаки, разгромив наголову киргиз-кайсаков, возвращаются с богатой добычей, и не пройдёт, мол, недели, как они войдут в город...

И как же взбудоражились оставшиеся в городе, не включенные в состав отряда, казаки! Они вдруг завели обыкновение что ни день собираться толпой в самых людных местах – у входа на рынок, вокруг лавок и пивных – и с утра до позднего вечера громко вести бурные дискуссии. И ладно бы просто гуторили промеж себя, так нет, едва поздоровавшись, то и дело били по ладоням, хохотали и поднимали шум на всю окрестность...

Кто-нибудь, возможно, и не понял бы, отчего так разбушевались эти крикуны, но здешний заместитель начальника Войсковой канцелярии Даниил Донсков сразу вник в причину. К тому же он прекрасно знал, что этот люд, вынужденный пробавляться походами и набегами, не раздумывая набросится на любую добычу, которую ему укажут. Заметил он и то, что в последние дни они стали и вовсе неуправляемыми, и почуял, что эти взбеленившиеся толпы, которых они, казачье начальство, с трудом сдерживали до сих пор лишь железными удилами, могут вскоре учудить вообще Бог весть что. «А почему бы не утихомирить их, послав ещё на один набег?!» – подумал Донсков и, чтобы обменяться мнением со своим непосредственным начальником – бригадиром Акутиным, прямо с утра пораньше пришёл в канцелярию.

Удача улыбалась – начальник сам вызвал его по какому-то неотложному делу. Дело это Донсков решил тут же играючи, а затем завёл кстати и задуманный им разговор.

– Ваше высокородие! Казаки наши никак не могут забыть обид, причинённых им киргиз-кайсаками. Так и скрипят зубами, мечтая скорее отплатить. Почему, мол, их на баранту¹¹ не отправляют, так, что ни день, и пристают ко мне... Как же быть нам? – осторожно спросил он.

Бригадир Акутин, не ожидавший такого малоприятного разговора, ничего не ответил и лишь уставился на своего заместителя, который, в свою очередь, тарачился на него круглыми, жёлтенькими, совиными глазами. Был бригадир человеком немолодым, с тяжёлым нравом, неповоротливым и в движениях, и в мыслях. Он терпеть не мог быстро принимать решение. К тому же, подобно всем людям в возрасте, немало повидавшим в своей жизни, бригадир слабо поддавался чему бы то ни было сиюминутному влиянию. Когда нужно было принимать без-

¹¹ Баранта (искажённое казахское слово «барымта») – набег, угон скота.

отлагательные решения, как сейчас, бригадир имел обыкновение, не раскрывая перед подчинёнными всех карт, тая свои мысли при себе, долго сидеть молча, поблескивая обширным лбом, поочередно расправляя тёмные, длинные усы и постукивая указательным пальцем по столешнице. Именно так сидит он и сейчас: долго-долго и тихо-тихо, не обронив ни словечка.

Донсков, который и без того был зол, что Акутин всё ещё сидит в кресле начальника Войсковой канцелярии, несмотря на то что уже полгода, как разнеслись слухи о его отставке, сейчас и вовсе ощутил приступ бешенства. Однако всё же ему приходилось сдерживаться.

– Как вы полагаете, Иван Иванович?! – повторил он, фальшиво улыбаясь.

– Так и без того же... говорят, отряд Колпакова и Пономарёва возвращается с немалой добычей. Может, сначала переварим её? – проговорил медлительный Акутин, давая понять, что не любит лишних движений.

– Ваше высокородие! Всегда ли нам будет выпадать такая удачная возможность, когда добыча сама плывёт в руки?! Поэтому давайте же, насколько сумеем, используем и этот счастливый случай... – напирал Донсков. Хоть он и начал разговор, как бы советуясь, но теперь уже был не в силах отречься от выношенной им идеи.

Кажется, бригадира вдруг начало раздражать, что Донсков талдычит одно и то же.

– И что же, господин премьер-майор? – недовольным начальственным тоном проговорил Акутин, напоминая собеседнику, кто тут старше чином. И затем, чуть склонив набок продолговатую, корытообразную голову, воззрился на Донского, не меняя своего вальяжного вида.

Вглядываясь в своего начальника и его медлительные жесты, которые не изменились даже теперь, когда он рассердился, совиноглазый Донсков удивился одному обстоятельству. Те самые «жалкие киргизы в лисьих треухах», заявляющиеся сюда, в Войсковую канцелярию, с различными тяжбами и исками, когда порой, не сумев встретиться с самим бригадиром, заходили к Донскову, то, бывало, отзываясь об Акутине, говорили «этот твой начальник – гнедой с пролысиной». Вот смотрит сейчас Донсков – и, действительно, Иван Иванович, с поблёскивающим широченным лбом, чуть склонённой набок продолговатой, корытообразной головой, невольно напоминает измождённого непрерывным покрыванием целого табуна кобылиц, поникшего жеребца. Хоть Донсков и прежде хорошо знал, насколько образно умеют говорить казахи, сейчас он ещё раз удивился, хотя, конечно, ему было слегка не до этого.

– Мне хотелось сказать... Если, не дожидаясь возвращения отряда Колпакова и Пономарёва, снарядить новый отряд из оставшихся здесь казаков и нагрянуть на приехавших нынче зимовать близ линии киргизов, пока они не откочевали с берегов Яика... – бубнил Донсков, продолжая неотрывно следить совиными глазами за малейшими изменениями на лице начальника.

– Хм-м! – просопел Акутин, а затем сказал, приподнимая брови и смахивая на родителя, который поучает своего туповатого отпрыска: – Ты же сам хорошо знаешь, что основная часть войска уже ушла с отрядом. И тебе к тому же известно, что матушка-государыня категорически запретила отправляться в степи с небольшим числом людей. И если так сложится, что твоя группа, выбравшись в степь, поляжет завтра полностью от рук киргиз-кайсаков, кто же будет держать ответ?!

– Ваше высокородие! Не беспокойтесь о составе вновь снаряжённого отряда. Мало их не будет! Это – во-первых. А во-вторых, дадим им в поход лёгкие пушки. Против пушек казахи не выстоят! В-третьих, добавим к отряду людей из форпостов и пикетов на линии, а также солдат, поставленных на защиту хуторов. Но самое главное – нам стало известно, что киргиз-кайсаки, прослышав, что из Оренбурга и Уральска в двух направлениях одновременно вышли отряды, сейчас собрались у берегов реки Эмба и там сбиваются в дружину. Итак... коли мы пока они шумят там за тридевять земель, совершим набег на киргиз-кайсаков, обитающих под боком – напротив крепости Сахарной... то, несомненно, захватим хорошую добычу! Это я вам гарантирую!

– Напротив Сахарной? Это какие киргиз-кайсаки там зимуют?!

– А зимуют там прорвавшиеся в прошлом году через линию, дошедшие до самой Волги и грабившие там наших: Ажибек Табыны и Жиенбет Табыны... Люди улуса султана Айшуака. Побывавшие там дня три тому назад лазутчики донесли, что пока они сидят там, ничего не подозревая...

– Ладно! Может, и сидят себе преспокойненько. Суть, однако же, не в этом. Вы мне вот что скажите... Раз уж разоряем то и дело этих киргиз-кайсаков, имеются ли у нас неоспоримые доказательства, что они начали первые и сами грабили наши хутора? – спросил Акутин, неприязненно морщась.

– Имеются, да ещё какие, ваше высокородие! – так и засияли совиные глаза Донскова, который был хорошо осведомлён о положении дел по обе стороны линии и особенно следил, не упуская ни одной мелочи, за каждым шагом влиятельных у киргиз-кайсаков людей. – Не говоря уж о прочем, это может засвидетельствовать даже и сам хан Нуралы! Коли не верите, так послушайте! В начале марта хан послал нам письмо через своего сына султана Есима. Там всё изложено ясно. Поскольку было указано, что те самые табынцы занимались грабежами, дойдя до самой Волги, то мы, сняв копию с письма, отправили его на рассмотрение Оренбургской экспедиции. Экспедиция же ответствовала: «Пусть отряд Колпакова и Пономарёва, исполнив свою задачу, на обратном пути побывает и в ауле этих табынцев! И схватит там побольше заложников, дабы заставить их вернуть наших людей, увезённых с Поволжья». Это поручение не дошло до отряда, сказать верней, мы с вами не успели довести его! Вы и сами знаете, отряд наш дня через три уже воротится в город. У них, ворочающихся с такими большими стадами и богатым добром, с таким количеством пленных, нет возможности свернуть куда бы то ни было. Поэтому разве не будет правильным снарядить новый отряд хотя бы для того, чтобы не осталось невыполненным поручение Оренбургской экспедиции?!

– Что же вы до сих пор молчали... – взорвался Акутин. – Коли есть подобное письмо Оренбургской экспедиции, принесите его мне сейчас же! Сначала я сам с ним ознакомлюсь!

...Бригадир прочитал письмо, под которым размашисто подписался начальник экспедиции по пограничным делам и одновременно обер-комендант Оренбурга генерал-майор Зенбулатов, и увидел, что всё обстоит именно так, как изложил Донсков. Было поручено схватить в аулах тех самых табынцев поболее пленных, дабы позже обменять их на тех, кого эти табынцы умыкнули в прошлом году с берегов Волги. И совсем недавно, как говорит заместитель бригадира Донсков, сам хан Нуралы сообщил в письме, что аулы этих самых табынцев зимуют прямо напротив форпостов Каршинской и Сахарной, на побережье Яика.

Акутин задумался... «Отряд Колпакова и Пономарёва не сегодня-завтра войдёт в город. Теперь у него действительно нет никакой возможности сворачивать куда-либо. Что же в таком разе делать?!»

– Разумеется, нужно снарядить новый отряд, ваше высочорodie! – уверенно заявил Донсков, когда бригадир снова вызвал его к себе и стал советоваться. – Большинство казаков, не включенных в прошлый раз в состав отряда, таят обиду на нас с вами. А теперь, когда они прослышали, что отряд Колпакова и Пономарёва возвращается с большой добычей, их и вовсе гложет чёрная зависть. Давайте же соберём их!

– Собирай! Собирай и, не медля, отправляй в путь! – наконец решил Акутин.

И тут же Даниил Донсков, вызвав к себе недавно получившего повышение по службе молодого и горячего офицера Петра Назарова, отобрал для него 225 человек из оставшихся в городе казаков и вручил ему бумагу, где разрешалось присоединить по пути к отряду ещё 180 человек из крепостей и форпостов, расположенных вдоль Яика. Вскоре в поход отправился новый отряд, вооружённый помимо прочего и двумя лёгкими пушками.

И лишь когда остановились на большой дороге за городом, Донсков сказал Назарову, отведя его в сторонку:

– Запомни одно, Петруха! Добыча на этот раз только наполовину будет вашей. Ты слышишь меня... только половина! Так! И никаких обид!

– Ладно, Даниило Дмитрич! Понятно... – рассмеялся звонко Назаров, не давая договорить остального. – Мы же понимаем, благодаря кому отправляемся в поход! Поэтому никто, пожалуй, и не станет оспаривать вашу долю. Лады! – хохотнул он, обнажая крупные зубы, и, чуть тронув поводья своего рыжего с пролысиной скакуна, до сих пор нетерпеливо гарцевавшего под ним, поскакал вслед удалявшемуся отряду.

Агаман Донсков, конечно же, заметил, как мечтала о походе душа молодого и горячего офицера, ещё не испытавшего страх боя. И теперь, слушая дробный топот копыт скачущего во весь опор рыжего с пролысиной коня, он неотрывно смотрел в спину Назарова. «Молодец, казак! Молодец... – пробормотал он довольный. – Нам нужны именно такие парни, чтобы без страха и упрёка сражаться с киргизами! А то ведь эти туземцы не такие уж и лёгкие орешки, как треплются некоторые!» Последние слова Донсков произнёс в сердцах, бесясь непонятно на кого. Сейчас никто не знает сути степных казахов лучше, чем он. А он знает степняков, потому что сам был сыном исконного яицкого казака и рос с младых ногтей в вечных схватках с казаками. И эти схватки, что он наблюдал с детских лет, лишь разгорелись с годами ещё сильнее, но нисколько не утихомирились. Правда, в пору Пугачёвского восстания обе стороны нашли было ненадолго общий язык. Однако же и в дни доброго согласия, и в нынешние дни противостояния русские и казахи продолжают волей-неволей общаться. Так уж решил Всевышний, определив этим двум народам жить рядом, по соседству. Вот из-за этих сношений Даниил Донсков с детских лет тесно соприкасался с казаками и казахский язык и характер народа знал досконально.

И если сейчас найдутся среди казаков два человека, которые знают до мелочей положение дел кочующих по обе стороны линии туземных народов, а в особенности чаяния и замыслы казахов, то один из них будет Даниил Донсков, а если

такой человек всего один, то это – только он, Донсков, и есть! Потому-то и всеми распрями меж казаками, калмыками, башкирами и казаками занимается только Донсков! Именно его в первую голову посылает разобраться в таких случаях бригадир Акутин.

Поднаторевший в сутяжничестве Донсков и сам превратился в презрительно-го плута и пройдоху. И насколько же хитёр он был, раз даже сами казахи ни разу не возмутились, видя его то во главе карательного отряда, рыскающего по степи, то разбирающего их мелкие тяжбы в своём кабинете! В их глазах он всегда оставался заслуживающим доверия начальником, ведущим откровенные и задушевные разговоры и, главное, хорошо знающим их родной язык и традиции! И когда он, едва приехав, начинает заливаться соловьём, расспрашивая о благополучии аула и о здоровье всех здешних аксакалов, то тут же начинают таять даже сами суровые мужи этих мест. В таких случаях степняки напрочь забывают даже о том, что это тот самый агаман Донсков, который не так давно науськал текинских казаков на казахские аулы. А всё потому, что наивные степняки не могут поверить, будто человек, сидящий напротив, говорящий на чистейшем казахском языке, знающий досконально все обычаи народа, называющий их своими братьями, способен на такую подлость и злодейство. Ну нет, упаси бог! Конечно, его вынудил на столь недостойный поступок тот войсковой начальник в Теке, такой вальяжный, «гнедой с пролысиной» русский... или кто-то ещё, подобный ему, в верхах... И, похоже, даже в мыслях не держат ничего дурного о Донскове, не боятся что засмеют их потом соседи, что позлорадствуют враги, а, бывает, наивно выспрашивают у него то, чего бы и друг у друга не спросили.

...В каком же году это было, господи!? Ах, да, года три назад. Точно! По какому-то делу приехал в эти места Донсков, и когда обе стороны пришли к соглашению по спорному вопросу, а народ уже сидел за дастарханом, ведя откровенные, дружелюбные беседы, один из наивных казахов, да не простой казах, а би племени Алаша по имени Сыпыра, возьми да и спроси у Донскова:

– Даниял-батыр, вот кого-то из вас прозывают «русскими», а кого-то прозывают «русскими казаками». Что бы это могло значить? Как бы ты нам объяснил причину!

А Донсков разве за словом в карман полезет?

– Ох, Сыпеке, неужто вы с вашим-то бийским глубоким умом до сих пор не знаете?! – как всегда звонко рассмеялся гость. – Раз уж вы спрашиваете, то, так и быть, поведаю... Наш давний предок, как и вы сами, в своё время имел нескольких жен. Первой его женой, старшей, то есть, байбише, была русская, а младшей женой, то есть токал, была ваша сестра – казахская девушка. И вот тех, кто родился от байбише, люди называли «русскими», а нас, родившихся от токал, стали называть «русскими казаками». Так что имейте в виду... мы являемся вашими племяшами по материнской линии! И потом... вы же видите, те русские, в верхах, в Петербурге и Москве, всегда-то относятся к нам свысока, говорят приказным тоном. А почему, как вы думаете?! Вот суть именно в этом... Они же – дети байбише, старшей жены, знай сидят себе на почётном месте! А мы, дети токал, младшей жены, в загоне у них... Когда это было, чтобы рождённые от токал тупенькие усаживались на почётное место?!

И мягкосердечные казахи не выдерживали:

– Ну, как же так... вы же братья кровные! Говорят же казахи наши: «Как бы то ни было, жеребёнок, которого лягнула мать, боли не почует». Родная кровь есть родная кровь! Стоит ли таить обиды по мелочам на близких по крови людей! – старался утешить простосердечный Сыпыра проходимца Донскова, как будто тот и в самом деле испытывал обиду на своих русских братьев.

Усмехнувшись про себя, Донсков вставил ещё несколько словечек, которые должны были прийтись казахам по душе:

– И всё же, коли сыновья байбише начинают издеваться не в меру, то и мы, тоже ведь божьи создания, можем отхлестать их по рукам. Например, как когда-то... в пору батыра Пугаша! А если совсем уж преступят пределы, то есть же у нас ещё и вы, на которых мы можем опереться. Заголосим: «Ойбай, где же вы, наши родственники по матушке?!» – и побежим к вам за подмогой! Да и бегали же когда-то, если вы помните!

– И то верно! – одобрительно загудели старики, сверстники бия Сыпыра, припоминая «времена Пугаша».

– Ах, вот оно как... А мы-то думали, откуда они взялись, эти негодники! А оказывается, они наши племяши!

– Ах вы, плуты, ах вы, пройдохи! Похоже, это глядя на вас, старики наши говаривали: «Племяш – не родня, жилы – не еда», – беззлобно пошучивали некоторые.

И Донсков тоже не смолчал, вспомнив традиционное право племянника посмеяться над родственниками матери.

– Эх вы, казахи в лохматых треухах, а за собою что, вины не чувствуете?! – перешёл он в атаку на своих «дядей». – До сих пор вы не одарили нас, как положено, сорока козлятами! Более того, приезжаешь к вам изредка, а вы не только скакуна, даже жеребёночка нам не соизволите подарить. А у кого же брать вашим племянникам, казакам, подарки, как не у сородичей по матери?! Не у калмыков же, чужаков!

Народ так и валился со смеху от удачного словца... Смотрит на них Даниил Донсков и думает, уж не в словесах ли заключаются и счастье, и беды казахов? Каждый-то у них умеет вникнуть в слово! И не только вникнуть, но и сказать ладом, и к тому же способны оценить человека, умеющего сказать хорошо... И если Даниил Донсков по сию пору сумел не дать зародиться в сердцах этих людей каким-либо сомнениям в себе, не пробудил в них и тени подозрения, но, наоборот, заслужил у них репутацию одного из самых надёжных людей среди чужаков, то всё это лишь благодаря его знанию слова. Да-да! Именно острого и находчивого слова.

Агаман, разумеется, и сам прекрасно знает это своё достоинство. И потому может уместно и безошибочно использовать его, обводя вокруг пальца этот наивный, беспечный, но и прямодушный, и негнибаемый народ. И в тот раз он, наврав с три короба, убрался восвояси, по-прежнему оставаясь в глазах казахов белее молока и чище воды.

Неотрывно глядевший вослед отряду, отправившемуся в набег на казахов, Донсков перебирал эти мысли, покуда длинная колонна не стала скрываться за окоёмом. Тогда он поворотил коня и тихим шагом направил его в сторону города.

* * *

Отряд Назарова с двумя лёгкими пушками уже второй день спешно продвигается вдоль побережья Яика. Направляется отряд к форпостам Каршинскому и крепости Сахарной на нижней линии Яика.

Небо затянуто тучами, ветрено. Зимняя стужа ещё не отступила. Пронзительный ветер ранней весны, способный, как говорят, свалить даже двугорбого верблюда-великана, дул порывами, то затихая, то вновь набирая упругую, стремительную силу. Когда ветер усиливался, то разом клонились к земле, волнуясь, верхушки перезимовавших под снегом жухлых и иссохших степных трав. Раскинувшаяся по обе стороны дороги беспредельная, широкая степь лежала мертвенно-серая и неподвижная под бесцветными, линиялыми небесами. Сероватые тучи метались в лад завихрениям степного ветра. И солнце, прятавшееся в густой хмари, не могло подсказать, какое сейчас время дня. Природа хмурилась, и всё поднебесье, вся необъятная степная ширь стали сумеречными и торопливо стремились скорее окунуться в густые объятия ночи. Лишь где-то на дальней окраине этой дремوتной степи, там, где земля сливается с небом, робко и нерешительно проглядывал, подобно слабому просвету надежды, некий бледный проблеск.

С наступлением сумерек бледные и суровые, словно впитавшие в свои лица студёно-сумеречное сияние серого дня, казаки достигли излучины Яика под названием Салындылы и добрались до здешнего форпоста.

У Салындылы оба берега Яика испокон были лесистыми. Что ни год, в пору половодья песчаный берег здесь заваливало гигантскими, чудовищной формы топляками-корягами, то ли принесёнными разлившимися водами откуда-то, то ли намытыми из местных лесов. Потому и в народе это место издавна называли «Салындылы» – «Топляковое». Казаки же подобные уродливые коряги называют «карши», так же они стали звать и форпост, здесь возведённый, поменяв тем самым исконное, казахское, название местности.

Намечавший этот форпост для первого привала командир отряда Назаров вздохнул облегчённо, лишь добравшись до Каршинской. Он распорядился командирам отделений расселить казаков группами, а сам срочно послал помощника за начальником форпоста. Впрочем, начальник форпоста и сам, торопливо ступая, направлялся к нему, дабы узнать, в чём причина внезапного появления большого отряда в столь неурочную пору.

Небрежно и мешковато одетый пожилой казак с сероватым лицом остановился и представился: «Начальник форпоста есаул Ферапонтов!». Назаров протянул ему приказ Войсковой канцелярии Уральского войска.

Пожилой казак с обветренным, заросшим щетиной лицом бегло проглядел протянутую ему бумажку, но особо вчитываться не стал. Лишь сделав вид, что ознакомился, он сложил вчетверо документ, на котором помимо текста было и изображение – вооружённый казак, наступивший ногами на двух огромных осетров¹², – и, аккуратно убрав её в нагрудный карман, стал ждать устных распоряжений командира отряда.

Назаров подробно растолковал, что сегодня отряд переночует здесь, а завтра спозаранку перейдёт на киргиз-кайсацкую сторону и примется непосредственно за исполнение приказа. От начальника форпоста требовалось, во-первых, при-
во-вторых, обеспечить казакам алиби.

¹² Таким был герб Войсковой канцелярии Уральского казачьего войска.

– Когда мы завтра с утра налетим на киргиз-кайсаков, нам будут нужны «доказательства», которые мы им предъявим! – не скрывал Назаров. – Для этого необходимо уже сейчас, в темноте сумерек, отогнать к казахским табунам хромых, калечных лошадей здешних казаков. Третье, дабы сегодня отряд мог отдохнуть безмятежно, охрана форпоста должна быть усилена намного, а контроль за этим вы возьмёте на себя.

Немолодой есаул молча выслушал распоряжения командира отряда, сказал «Есть» и принялся за их исполнение. Хотя внешне он казался нескладным и мешковатым, однако, как все военные, долгие годы прослужившие на линии, на самом острие опасности, был докой в своём деле. Спустя примерно час он воротился и доложил, что поручения командира отряда исполнены: десять казаков, которые отправятся завтра с ними, уже готовы, хромые и непригодные лошади отогнаны в сумерках на противоположный берег, ворота форпоста тщательно заперты, охрана усилена, и он сам непосредственно будет проверять её до утра.

Убедившись, что пожилой казак действительно разбирается в своём деле, молодой офицер решил, что есть смысл расспросить его о местных реалиях.

– Итак, аулы киргиз-кайсаков находятся всё там же, есаул? – поинтересовался он. – Если отправимся пораньше, то когда доберёмся до них?

– Не понял, господин майор! Какие аулы? – поразился есаул.

– Обычные... на том берегу! О киргиз-кайсацких аулах говорю, – уточнил Назаров с вновь просыпающимся в душе сомнением в том, что этот есаул-то знает что-либо.

– Но на том берегу нет никаких аулов, господин майор! – виновато сказал есаул, как будто отсутствие аулов было его личным просчётом. И затем объяснил: – Войсковая канцелярия распорядилась в нынешнем году никого не подпускать к Яику...

– А чьи же тогда те табуны огромные?! В вашем форпосте же нет столько лошадей!

– А-а, вы о лошадях?! Это лошади султана Айшуака! Зимуют нынче по специальному разрешению Оренбургской пограничной экспедиции...

– Ошибаетесь! Ошибаетесь, есаул! По сведениям, доставленным в Войсковую канцелярию нашими дозорами, лошади, которые зимуют здесь, – не собственные табуны Айшуака, младшего брата хана Нуралы, а табуны Ажибек Табынов и Жиенбет Табынов из его улуса... А воры и разбойники этих двух родов в прошлом году, нарушив пограничную линию, добрались до самой Волги и разорили наши хутора! Мной же получен приказ, дабы воротить захваченных в пору этого набега наших людей и поголовье, угнать и людей, и табуны у табынцев! Уяснил, есаул?! У-у-у-угнать!

– Уяснил, господин майор... – И без того чувствующий сердцем, в чём суть этого похода, есаул отвечал тихим, смирным тоном, присущим людям подчинённым и зависимым.

* * *

Дети Алаша, потеряв многие отчие уголья, отступая и отступая, хоть и покинули Самарскую сторону, расположенную к западу от лежащего поперёк степей Яика, успокаивали себя тем, что хотя бы Бухарская сторона к востоку от Яика всё ещё остается казахской. Но в последние годы даже эти смещённые границы

превратились, похоже, в фикцию... Отряд, переждавший ночь на форпосте Салындылы, чихать хотел, что на востоке – казахские земли. В предрассветных сумерках он просто-напросто перешёл через синий лёд Яика, кроша его своими коваными подковами, и направился напрямик к табунам, которые заметил ещё вчера вечером.

Когда вдруг под дробный стук копыт на пастбище налетел огромный вооружённый отряд, не ведавшие ни уздечек, ни обростей необъезженные скакун шумно встрепнулись и помчались в степь, задрав хвосты. В этот миг с криками «Кайт! Кайт!» появились из-за табуна двое верховых и, видимо, посчитав казаков барымтачами, направились было к ним, помахивая дубинками. Кто-то из скакавших в передних рядах казаков, дабы напугать их, пару раз выстрелил из ружья по-над их головами.

– Атта-а-ан!!! Атан!!!

– Вра-а-аг!!! Вра-аг!!! – разорвали предутреннюю тишину надрывные крики.

Будто из-под земли перед казаками вдруг выскочили человек двадцать и устремились наперерез, дабы оказаться меж многочисленным табуном и отрядом.

Взбешённый тем, что казахи не только так быстро собрались, но и, похоже, решили оказать сопротивление, Назаров вырвал шашку из ножен и скомандовал во весь голос:

– Казаки-и-и-и!!! Лавой впе-рё-ё-ёд!!! – И, ещё не успев завершить приказ, отпустил поводья своего рыжего с пролысиной, который едва сдерживал себя, взбудораженный шумом и криками, и с хрустом кусал литые удила.

И тут же, наполняя степь бешеной дробью, по гулкой, мёрзлой земле загремели тысячи копыт. Шум и ярость! Крики и вопли! Свист и ор! Несущихся во весь опор людей и коней охватило безудержное возбуждение. Было похоже, что они не успокоятся, пока не снесут всё на своём пути.

Молодому офицеру показалось, что прошла целая вечность, прежде чем он достиг противника. Сердце его стучало бешено, распляемое дьяволом: «Где враг?! Где?!» Но малая группка, кинувшаяся наперерез казакам, сразу же была смята многолюдием отряда уже тогда, когда они лавой понеслись вперёд. И всё же, осмотревшись, он заметил, что кто-то ещё местами сопротивляется им. В самом центре звонкой и шумной сечи бился молодой казах – косая сажень в плечах, на гнедом белоногом скакуне, в перепоясанной туго лёгкой накидке. Он то наступал, то отступал, а вскоре вдруг подобрался вплотную к нему, Назарову. Офицер уже хотел было снести ему шашкой голову, но противник стоял к нему спиной, и у Назарова мелькнула мысль, что это будет подлостью с его стороны.

В кровавой сече не на жизнь, а на смерть мимолётной задержки бывает довольно, чтобы решить судьбу человека. В следующее же мгновение молодой джигит оказался лицом к лицу с Назаровым и бесстрашно бросился на него! Истинно «на ловца – и зверь!». Отчаянно махавший саблей казах, наверное, снёс бы с коня только ворвавшегося в битву офицера, но Бог уберёт Петра Назарова. В последний миг он успел подставить поперёк свою шашку, и лишь когда его слуха достиг звон удара стали о сталь, ощутил, что остался жив.

И тут же, охваченный бешеным гневом из-за своей оплошности, совершил другую: резко натянув поводья рыжего с лысиной коня, взвил его свечой на

дыбы и собрался нещадно рубануть шашкой. Но, как на грех, гнедой скакун его противника был намного крупней его рыжего с пролысиной, и, когда оба коня взвились разом на дыбы, мелкокостный рыжий оказался вроде жеребёнка рядом с гнедым скакуном, хвост которого стелился по земле... Совсем потеряв надежду, Назаров глянул было вверх, на врага, нависавшего, как архангел смерти Азраил, прямо над ним, и увидел, что молодой казах, его ровесник, оскалив белоснежные крупные зубы и упершись обеими ногами в стремя, приподнялся над седлом и, откинувшись всем корпусом, расправил размах, дабы наискось перерубить Назарова своей кривой саблей.

«Кон-е-ец!!!» – молнией перерезало сознание Назарова, глаза его закатились, и он замер, ожидая, что вот-вот обрушится на него страшный удар. Вдруг... молодой казах охнул, откинулся назад и, раскинув обе руки в стороны, подобно крыльям орла, собравшегося взмыть в небеса, уронил голову на грудь и начал валиться с седла...

Назаров ещё ничего не успел понять, когда следом за гулким ружейным выстрелом его ушей достиг и чей-то торопливый, сердитый голос:

– Будьте же осторожны, командир!

«Кто это?.. За что отчитывает он меня?!» – мысли Назарова мешались, у него лишь хватило сил, сдерживая задрожавшее тело, бессмысленно повернуть голову в ту сторону, откуда раздался голос. И он увидел, что невдалеке от него, до сих пор держа наперевес ружьё, из ствола которого тихонечко вился дымок, стоит есаул Ферапонтов. О, боже! Тот самый жалкий казачок, которого ещё вчера он, Назаров, за человека-то не посчитал. Тот самый начальник форпоста Каршинского – есаул Ферапонтов! В поношенной цигейковой шапчонке, курдюшки которой спадают ему на глаза, с рыжеватыми, прокуренными усами, топорщившимися в разные стороны, стоит себе всё на том же месте, расставив ноги, даже не считая нужным хотя бы приблизиться к нему, Назарову.

И удивительное дело, хотя он только что сердито отчитал своего командира, теперь на лице его не видать и следа укора в адрес Назарова. Посмотреть на него, так и не похож он ничем на человека, который только что спас от смерти своего начальника. Ни крохотной искринки радости нет у него на лице. Как будто и не ведает, что по воинскому уставу этот его поступок должен быть оценен за подвиг и подлежит несомненной награде. Кажется, об этом он даже и не мыслит нисколько. Просто выглядит солдатом, которому повезло с Божьей помощью спасти одного из своих товарищей по походу и душевно удовлетворенным этим.

Никогда не чувствовавший себя никому обязанным молодой офицер, полный в душе гордыни, впервые в жизни вдруг ощутил себя жалким мальчишкой перед этим простым казаком в цигейковой шапке. Если бы Ферапонтов, только что спасший его от верной гибели, не стоял так спокойно, почти равнодушно, чувство униженности, наверное, не взяло бы верх в душе офицера. Назаров, может, и хотел бы выразить казаку свою благодарность, он даже раскрыл рот, собираясь пробормотать слова признательности, но вместо этого из его уст прозвучало нечто совсем другое:

– Фера-пон-то-о-ов! Ферапонтов, где остальные кайсаки? Что вы с ними сделали?! – спросил он, будто ничего важнее этого в данный момент на свете нет и быть не может.

– Кто бежал – те бежали, кто сопротивлялся – схвачены, господин майор! – заметил кто-то из казаков, освободив своего есаула от необходимости отвечать. – Что прикажете?

– Немедленно ведите их сюда!

– Пленных ведите!

– Ведите пленных! Быстро! – тут же понеслись над отрядом властные окрики.

И вот... на истоптанном в пылу схватки пастбище стоит группа молчаливых всадников во главе с Назаровым и ждёт, когда приведут пленных. Они не спешиваются и не разговаривают, потому что меж ними лежит труп с открытым лицом. Тот самый бесстрашный джигит! И вина за его смерть ещё не возложена ни на кого. И всё же, как будто для того, чтобы эти люди знали, что душа несчастного была безупречно чистой, Всевышний выделил на его долю небольшой чистейший клочок земли, – дал упасть на небольшой островочек белого-белого снега, не тронутого ни копытами коней, ни частым таянием. Ноги и руки бедняги были раскинуты, однако он не выпустил, а сжал намертво в руке эфес своей кривой сабли. Уже этим он пугал своих врагов, не допуская их даже открыто глядеть на себя, не то чтобы подойти близко. Люди, окружившие покойника, старались отводить глаза, однако помимо воли их взгляды то и дело падали на его мужественный лик.

...Молодой джигит лежал на спине. Возможно, из-за того, что тревожный крик «Аттан» раздался столь внезапно, бедняга, жизнь которого подобралась к концу, поспешил навстречу своей смерти, даже не успев и одеться толком. Похоже, только и успел, что впопыхах набросить на плечи лёгкую накидку и потуже затянуть отделанный серебром пояс. Даже теперь его стройное тело показалось гибким, как лозинка, а узкая талия и вовсе по-девичьи тоненькой. Зато грудь широка и могуча. Продолговатым выдающимся скулам и светлому лику очень шёл широкий и высокий лоб. Видно было, как начали синеть, чуть-чуть приоткрывшись, полноватые губы. Как чёрная струйка крови, вытекающая из рта, продвигаясь через уголок губ, остановилась, едва достигнув земли. Остывший лик бел, как бумага. И всё же чёрные, смоляные бакенбарды, прямо протянувшиеся вниз с висков, и продолжавшаяся от них чёрная округлая бородка, косо подстриженные, обрамляя губы, усы делали его мертвенно-бледный лик странно красивым. Стало заметно, что и молодые, и немолодые казаки, собравшиеся здесь, впервые видели такого казаха. И просто такого человека, сохранившего и после того, как простился с жизнью, красивый, одухотворённый облик.

Молчание затянулось, и Назаров решил нарушить его:

– Нет ли среди вас никого, кто знает этого? – спросил он нарочито громко, дабы слышали все вокруг. – Знает его кто-нибудь?!

Никто не отозвался.

– Это же Апак... – слышался спустя время чей-то голос. – Это сын султана Айшуака – Апак-султан!

Все резко обернулись в сторону говорившего. Оказалось, говорил это опять-таки тот самый есаул из Каршинской Ферапонтов... Густые его брови нахмурились, а кудряшки цигейковой шапки закрыли глаза ещё сильнее, чем прежде. И он всё ещё стоял на прежнем месте, в сторонке ото всех, нещадно дымя огромной самокруткой.

После этих слов Ферапонтова казаки снова оборотились в сторону джигита, лежащего на снегу. Прослышав, что он «сын султана Айшуака», теперь все зашумели вразнобой, будто каждый с самого начала признал в нём человека непростого:

– Вон оно что! То-то выглядел особливо!

– По тому уже, как саблю заносил, видно было его благородство... Сразу же было видно!

– Как гордо выпячивал грудь свою! Выпячивал!!!

– И не сробел же!

– Да, не ведал испуга...

– Когда бы его не подстрелили, он бы многих из нас срубил...

– Вот и я говорю! Кто бы то ни было, хорошо, что подстрелили! А то бы...

...При последних словах со стороны соседней крепости Сахарной разом высоко взметнулись огромные клубы чёрного дыма и мигом затянули поднебесье. Все замерли поражённо: «Что бы это могло быть?!» Но тут, породив дрожь во всём мире, внезапно прогрехотал троекратный выстрел тяжёлых пушек. От их грома вздрогнула сама земная твердь.

– Набег!!! Наверняка это, знаете ли, набег!

– На Сахарную напали!!!

– Да-да, нападение!

– Откуда вы можете знать-то?!

– Ну и глупец ты! Не слыхал сам, что ли?

– Чего?

– Да залп тяжёлой артиллерии!

– Ну и что, если слыхал?

– Кто же станет стрелять из тяжёлых вестовых пушек, коли нету нападения на крепость, идиот!

– А-а?!

– На!!!

– Да, оставь ты его! Поехали на подмогу!

– Поскакали!

– Кстати, а что делать с табуном-то, с табуном?!

– Командир сам и решит.

– Командир? А где он, этот командир?!

В пору сумятицы кто-то подскакал к Назарову и заладил надоедливо:

– Что с табуном делать-то будем, командир?!

Поскольку народ взбудоражился, заметался беспорядочно, шум и гам стали усиливаться, Назаров почувал, что если промедлит ещё, то не сможет удержать в узде эту толпу, и стал искать сгинувшего куда-то есаула:

– Фера-пон-то-о-ов!!! – закричал Назаров. – Где ты, еса-у-у-ул!!!

– Зде-е-есь... Здесь я!

– Поди сюда!

– Слушаю, господин майор! – подбежал, запыхавшись, Ферапонтов.

– Слушай внимательно, есаул! – стал, как гвозди, вбивать свои слова Назаров, у которого сердце заходило ходуном. – Мы отправимся на Сахарную... На подмогу! Ты будешь отвечать за весь оставшийся здесь табун. Принимай это, как приказ! Понял?

– Есть!

– Попавшим в плен киргизам покажешь полностью всех лошадей наших казаков, оказавшихся в этом табуна! Запомни, покажешь по-о-лностью! И покажешь, как я вчера и сказал, прямо тыча им в глаза! Скажешь: «Ворованные кони!» Иначе потом не признаются.

– Понял, господин майор!

– А сейчас возьми своих десятерых человек и гони лошадей к форпосту!

– Слушаюсь! Кстати... что делать с теми, кого схватили? И с этим... трупом, командир?!

– После того, как, тыча им в глаза, покажешь ворованных коней, заведи в заложники одного-двоих пленных, а остальных отпусти! Захотят увезти труп, их воля! Не препятствуй!

– Есть!

– Мы пошли на Сахарную!

– Счастливого пути!

...И вновь продолжились бешеные скачки...

На этот раз направление – Сахарная!

* * *

О том, что на побережье Яик-реки, прозванном издавна «кровавым краем», не проходит и года без кровопролития, кто-кто, а глава улуса племенных объединений Жетыру, родной младший брат хана Нуралы, Айшуак-султан знал не хуже других. Однако мысль о том, что такое сможет повториться и в нынешнем году, и что горе это нависнет не над кем-либо другим, а именно над ним самим, ему не могла заявиться в голову не только наяву, но и во сне...

Только вчера ещё его старший сын Жанторе во главе своих младших братьев Апака и Сапака, а всего человек двадцать, отправился было в сторону Салындылы и Сахарлы «табун посмотреть» да «волков погонять». Однако вместо того чтобы «волков гонять», воротились, как будто сами убежали от волков, поджав хвосты. И тогда Айшуак-султан хотел было, не разобравшись, сначала подразнить их, посмеяться над ними. Но оказалось, смех-то обернулся бы горькими слезами... Оказывается, когда молодые джигиты ночевали в стане табунщиков, перед рассветом на табун напал враг. Джигиты, во главе с Жанторе, полагая напавших заурядными барымтачами, перерезали им путь и стали стрелять из ружей в небо, желая напугать их. И тут на джигитов ринулся лавой вооружённый и многочисленный казачий отряд. Сразу же оказавшийся в кольце врагов Апак, как заметил кто-то из джигитов, вроде свалился с коня, рубясь саблём с казаками... Однако жив ли он, нет ли, в точности неизвестно... И ещё человек пять попали в гущу казаков – и тоже одному богу известно, что с ними случилось... А эти человек восемь, которые воротились назад, то ли метались там вокруг схватки, стреляя из ружей для виду, то ли сразу удрали.

Прослышав об этом, Айшуак-султан с невероятной тревогой в сердце велел оседлать ему лошадь. Затем достал из потайной шкатулки своей, где хранил кое-что необходимое, бумагу Оренбургской пограничной комиссии, разрешавшую в нынешнем году перезимовать его племени на побережье Яика, и в полном одиночестве отправился в дорогу.

А потом...

Спешно выехав из своего аула, расположенного у северного подножья холма Караултобе, ещё до полудня он пронёсся рысью близ недалёкого Сахарлы. Хотя и ехал Айшуак весьма спешно, всё же видел взвившиеся в поднебесье вдали, со стороны Туйемина, густые клубы чёрного дыма и слышал громкий шум и возбуждённые крики, раздававшиеся со стороны Сахарлы... Однако не досуг ему было задерживаться, оборачиваясь на них. Что за дело было султану, который с отчаяньем в душе мчался, не ведая, жив его сын или нет, до какого-то пожара в степи до чьих-то там далёких криков и шума? Впереди лежала безлюдная степь, где, сказали, упал с коня его сын Апак... Позади, мрачные, как ливневые тучи, затянувшие почти всё небо клубы чёрного дыма... Напряжённый донельзя Айшуак-султан, дабы скорей добраться до Салындылы, едва только проехал мимо Сахарлы, как напрямик направился в нужную ему сторону. Когда только стал выбираться на равнину, переехав одну из множества глубоких ложбин, устремлённых к Яику, дорогу ему пересёк высыпавший, как горсть тараканов из щели, многочисленный отряд.

Свернуть некуда. Впрочем, Айшуак, забывший обо всём, кроме своего горя, ни перед чем бы и так не отступил. Кто-то поскакал рядом с ним, крича:

– Остановись! Остановись, говорю, чёрт поганый!

Однако султан, невзирая на этот крик, остановился, лишь доехав до головы отряда. Впереди двигался подтянутый молодой офицер в новёхонькой форме. Под ним рыжий, с пролысиной, скакун. Лошадь, видно, пугливая, то и дело озиралась по сторонам и ступала, всё время пригарцовывая. Рядом с молодым офицером ехали вооружённые до зубов казаки в португелях крест-накрест и сплошь в цигейковых шапках... Офицер что-то шепнул одному из них, и тот тут же осыпал султана вопросами:

– Кто ты? Что ты за киргиз и откуда?! Куда направляешься?

– Я родной брат хана Нуралы, глава улуса Жетыру Айшуак, Абилкаиров сын! – произнёс Айшуак так, чтобы эти люди явственно поняли, что он не впервой встречается с русскими. – А сами вы кто? Что делаете в этих местах?

– Мы по приказу Войсковой канцелярии в городе Уральске пришли сюда вооружить угнанный у нас скот, – сказал офицер.

Раньше, когда всё галдели: «Это же сын султана Айшуака! Султана Айшуака!», он ещё думал было: «Кто же он есть, этот султан Айшуак?». А оказалось – статный казах высокого роста, глядящий на собеседника пронзительно, всё ещё стройный, хоть и достиг почти шестидесяти лет. Несмотря на то что тщательно подбитые усы и небольшая раздвоенная бородка делали его лицо чуть теплее, всё же оно казалось слишком суровым. Уже по тому, как горделиво и вольно сидел на коне, было видно, что это человек властный, не лебезящий ни перед кем, а наоборот, привыкший заставлять других делать то, что скажет сам.

Он спросил у казаков не без иронии:

– Вы пришли, точно зная, кто из казахов угнал ваш скот? Или явились просто наугад, по чьему-то наущению?

Казак-толмач, которого задело за живое не слова султана, а сам вид его, не переводя сказанного своему начальнику, накинулся на Айшуака:

– Ты что же, решил допрос нам тут учинить?! Умолкни! Отвечай лишь на вопросы господина офицера! Вопросы тебе тут будем задавать мы!

– Почему же я не стану спрашивать? Вы находитесь на моих угодьях, на пастбище моего скота... Говорите, что едете не просто так, а ищите пропажу. И

тем не менее... нападаете на чужой скот на выпасе, на людей, которые пасут этот скот... Ещё до рассвета и сыновья мои, и все джигиты аула воротились страшно испуганные вашим налётом, едва спаслись от вас. Почему? За что? – голос султана прозвучал пронзительно горько. Весь гнев и вся горечь, скопившиеся в душе его с тех пор, как услышал недобрую весть, надежда и сомнения по поводу судьбы сына – всё это прорвалось в нём. – Одного человека вы избили, – сказал он с отчаянием. – А одного из моих сыновей, Апака, сбили с лошади! В чём его вина?! За что?! Где он сейчас?! Почему его нет с вами?!

Казак-толмач, растерявшись, когда услышал про Апака, обернулся к Назарову и что-то тихо-тихо пробормотал ему. Султан Айшуак не расслышал что. А офицер, выпятив грудь и выпрямившись всем корпусом, сразу заговорил куда жёстче.

– Во-первых, ты не ори! – сказал толмач султану. – А потом – господин офицер говорит: «В том, что мы налетели на вас, вы виноваты сами. Не без причины напали, – говорит. – Ладно там другие, но ты-то, султан, не только не пресекаешь воров и разбойников своего улуса, но ещё и сам вместе с ними совершаешь набеги на наши хутора. Ты что же, думаешь, мы не знаем, что барытгачи твои взяли за обыкновение что ни день угонять и без того считанных коней, необходимых казакам для выполнения их военных обязанностей? Или полагаете, что мы и дальше станем терпеливо сносить всё это?!»

– Чтобы предъявить такое обвинение, нужны доказательства! – ответил Айшуак, суровее ещё больше. – Есть у вас такие доказательства?

– Доказательств достаточно! Помимо прочего стало ясно, зачем ты каждый год прикочёвываешь на побережье Яика, почему оставляешь свои табуны зимовать близко к линии – всё-всё сейчас нам стало ясно. Делаешь это нарочно! А иначе почему среди твоего табуна, что на выпасе напротив Каршинской, оказалось столько лошадей, которых наши казаки потеряли только в этом году? А?! Как ты намерен оправдаться? Ну-ка, скажи?!

– Прекрати болтовню! – оборвал султан, у которого кровь начала закипать от этой развязности. – Во-первых, если подбираемся близко к Яику, то эти самые земли от Салындылы, Сакарлы, Туйеомина, Кырыкарбы и Бухарская сторона до самого Казанкеткена¹³ – угодя мои и подвластного мне улуса! Никто не вправе винить нас за то, что мы прикочевали в эти места! В том числе и вы – тоже...

– Хм! Хочешь поучать нас... – усмехнулся офицер, когда ему перевели ответ. – Поучай, поучай... Ну-ка?!

– Поучать тут нечему, – сказал уверенный в своей правоте Айшуак, чётко бросая слово за словом. – Хоть земля эта и наша, однако, дабы не случилось каких-либо споров и разногласий, мы каждый год перед тем, как прикочевать сюда, проявляя осторожность, пишем письмо в Оренбургскую пограничную экспедицию, спрашивая, в каких местах близ Яицкой линии можно проводить зимовку скота? Скот есть скот, и если случайно какая-либо скотина прибредёт и пристанет к нашим стадам или табунам, мы обязуемся в том письме вернуть её хозяевам. И лишь после этого экспедиция даёт нам разрешение, причём письменное. Если хотите посмотреть такую бумагу, то вот она, – вынул из нагрудного кармана разрешительную бумагу и протянул офицеру.

¹³ Салындылы – форпост Каршинский, Сакарлы – крепость Сахарная, Туйеомин – форпост Коленный, Кырыкарба – форпост Антоновский, Казанкеткен – форпост Котельный.

Задетый за живое ссылками казаха на законы и даже не глядя на протянутую бумагу, Назаров разорвал её в мелкие клочья и, словно говоря: «А теперь попробуй, сделай со мной, что сумеешь», – развеял её по ветру.

Оскорблённый донельзя Айшуак заговорил было на русском языке, который худо-бедно освоил когда-то, будучи в Оренбурге аманатом вместо своего брата:

– Господин офицер! Вы не имеете права рвать документ, выданный вышестоящей инстанцией... Я буду жаловаться в Оренбургскую погранэкспедицию!

– Хм! Он будет жаловаться! – фыркнул, усмехаясь, офицер и внезапно, кивнув подбородком на султана, велел казакам: – Взять его!

Явно знавший, что за ним нет никакой вины, султан стоял спокойно, без всякой настороженности. Потому и не воспротивился даже тогда, когда два казака схватили его с двух сторон за руки. Обе его руки туго связали за спиной, и этот офицеришка бросил султану насмешливо:

– Вот теперь жалуйся! Сколько хочешь...

И лишь тогда султан, торе-чингизид, который не терпел высокомерия не только от таких юнцов, но даже и от тех, кто годился ему в отцы, чуть не сгорел от унижения.

– Что-о-о?! Что ты сказал?! – взрываясь от гнева, прокричал.

Офицер не шелохнулся.

И султан, поздно осознав, что руки его связаны, что сам он не в состоянии что-либо предпринять, понял: подло застали врасплох...

Почти два года провёл Айшуак в невольном плену, лишившись днями смеха, а ночами сна.

Это стало незаживающей, кровоточащей раной в его сердце и осталось с ним навсегда до самой его смерти. Но об этой страшной ране так и не узнала ни единая живая душа. Кроме него самого...